

Моя любимая актриса вот уже год живет со мной в одном доме. В одном подъезде. Одним этажом выше.

Иногда она заходит к нам за луковицей или морковкой. Иногда мы забегаем к ней за сахаром или куском хлеба. Соседи...

Когда наши квартиры затопливает (а это случается с роковой размерностью), сообщаем спасаем паркет и обои. Потом стихийное бедствие отступает, мы подсчитываем убытки, пьем «мировую» — и так до нового потопы...

По ночам я иногда слышу, как Таня возвращается после спектакля. И тогда шаги ее ка-

жутся мне усталыми, и вода наверху в кранах тоже течет еле-еле, и свет из ее окошка сочится с трудом. Соседи...

Я давно хотел сделать это интервью. Да все не получалось: Таню редко можно застать в блаженном ничегонеделании дома. То она плотно занята в «Вишневом саде». То уехала на съемки фильма «Дым». То еще не вернулась с гастролей со знаменитым спектаклем «Там же, тогда же» из Санкт-Петербурга. То разучивает новую роль в театре Маяковского... И потому, когда давно задуманная встреча состоялась, захотелось говорить не о ролях и фильмах, а о жизни.

деньги своим трудом (спекулянты не в счет), не может позволить себе не то что «лишнего», но и необходимого. Я не могу купить себе сапоги за 10 тысяч. Не могу прицениться к платью за 200 долларов. Не могу видеть меховые манто с «зашкаливающими» ценниками. В итоге обхожусь джинсами, свитером, юбкой...

— Таня, недавно ты вернулась со съемок из Германии, сейчас собираешься во Фран-

Из жизни «звезд»

Труд. 1992. 8 апр.

«Я ЛЮБЛЮ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ШЕЕ»...

Интервью по личным вопросам с актрисой Татьяной Васильевой

— Таня, ты сейчас находишься в зените популярности. Только за последние месяцы видел тебя в «Моей морячке», «Блуждающих звездах», «Биндюжнике и короле»... По моим подсчетам, у тебя выходит пять-шесть фильмов в год. Да еще спектакли на двух сценах. Хватает сил работать в таком ритме? Не хочется порой послать все к чертовой матери и позволить себе «антракт»?

— Конечно, хочется. Но когда я пытаюсь это сделать, то не понимаю, как жить дальше. Это уже патология какая-то, но я не умею отдыхать, доставлять себе маленькие радости. Видимо, так воспитана. Много и тяжело, помню, работала мама. Страшно, безысходно вкалывал отец. Трудится не покладая рук сестра. И мне на роду написано быть лошадкой, которая тянет неподъемный воз.

Единственное время, когда можно чуть-чуть отдохнуть, — это гастроли. Да, со мной моя шестилетняя дочь Лиза, да, каждый вечер у меня спектакль, но зато есть свободное утро, бесконечно длинный, длинный день... И я расслабляюсь. До конца гастролей...

— Таня, чем для тебя в таком случае является творчество: отрадой, тяжелой работой, профессиональной повинностью, средством для существования?

— А как тут разделить? По-инному я хлеб зарабатывать не умею, а если бы и умела — наверняка бы не стала. Каждая премьера приносит радость, но уж больно трудно эта радость достается... Знаешь, скажу-ка я словами моей героини Раневской из «Вишневого сада»: это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу... Ну вот, что тут добавишь?

— Представь себе гипотетическую ситуацию, что твой муж Жора занялся бизнесом, разбогател и вопрос куска хлеба отныне для тебя автоматически снимается. Интересно, ты работала бы с такой же интенсивностью или чутьочку поменьше, или вовсе бросила бы на время театр, кино?

— Ну, во-первых, муж у меня, как ты знаешь, не миллионер. А совсем наоборот — актер. Но если бы на него вдруг свалилось состояние, я бы позволила себе кое от каких ролей отказываться. Сейчас я такой роскоши практически лишена. Жизнь ныне так тревожна, что мои роли сегодня — это тот кусок хлеба, который мне завтра может и не подвернуться. Поэтому я соглашаюсь на большинство предложений, за исключением, возможно, самых сомнительных, которые могут обернуться потерей самоуважения или зрительской любви.

— Ты много снимаешься, значит, и материальное благосостояние семьи зависит во многом от тебя. Легко ли женщине, пусть и актрисе, чувствовать себя «кормилицей»?

— Тяжело. Но я никогда не могла мужчин заставить работать на меня. Это не сегодня началось. Еще студенткой, находясь в мужской компании, я всегда торопилась первой достать кошелек... Видимо, боялась показаться зависимой. Похоже, этот комплекс остался на всю жизнь...

— К вопросу о комплексах... Я знаю, что в начале творческой карьеры ты очень переживала по поводу своей, как тебе казалось, неподходящей внешности. Это прошло?

— Да, я казалась себе оглоблей, дылдай, в юности очень сутулилась, старалась спрятать шею, руки... Но это все, конечно, в прошлом. Потому что появился опыт, а он подсказывает: если владею зрителями, залом — значит, я прекрасна. Если не владею... Вот тогда и хочется спрятать руки, шею, провалиться сквозь сцену.

— Подозреваю, что обычный женский труд касается тебя, наверное, в меньшей степени, чем остальных домохозяек. И все же приходится заниматься стиркой, уборкой. Ты мирись с этим как с не-

избежной рутинной жизни или стараешься найти смысл и в такого рода делах?

— Как ни странно, нахожу отдохновение. Когда нервничаю, а нервничать приходится часто, то бываю даже рада погрузиться в бешеное количество работы по дому. Не поверишь, но гора стирки в ванной — она меня успокаивает. Когда возвращаюсь с гастролей, со съемок, то заботы наваливаются с удесятенной силой. Начинаю все чистить, скоблить, двигать кровати... Закачиваю «каврал» и буквально падаю от усталости, но зато понимаю, что я наконец дома.

— Один раз мне довелось стоять с тобой в очереди за виноградом, и я видел, как продавец выбрал для тебя самые спелые грозди. Тебя знают, тебя узнают. Скажи, ты пользуешься известностью своего лица, имени для того, чтобы что-то достать, купить, пробить?

— Мне стыдно в этом признаться, но пользуюсь. Разумеется, в рамках приличий, когда вижу, что человек сам идет мне навстречу. Впрочем, когда дело касается врачей, медицины, в особенности, здоровья детей, тут я сама иду грудью на амбразуру. И, как правило, пробиваю ее.

— Двое детей для много снимающейся актрисы — это, видимо, непростой узелок. Скажи, не одолевает ли тебя порой раскаяние, что недостаточно уделяешь детям внимания, что недодаешь им многого как мать?

— Да, с мыслью об этом засыпаю и просыпаюсь! Особенно на съемках, вдалеке от них. Тем более, что они порой тревожат меня своей инертностью, равнодушием, подспудным ожиданием, что папа с мамой все за них сделают. Мучаюсь в разлуке с ними, но выбора нет: я должна кормить семью. А кроме того, если бы я бросила кино и только дышала на них, то вряд ли бы дети оценили эту

жертву. Все-таки они хотят гордиться своей мамой. А мама, в свою очередь, может быть, ошибочно считает, что многое можно объяснить не ежедневными нотациями, а собственным примером. Кажется, в последнее время они стали что-то понимать...

— Таня, у тебя уже взрослый сын, но всякий раз, когда я тебя вижу, мне хочется подарить тебе цветы, сделать комплимент...

— Что же тебя останавливает?

— Уж больно муж у тебя крепко сбит... Нет, правда, ты замечательно выглядишь, за тобой, черт побери, хочется ухаживать. Скажи, твой внешний вид — это результат того, что ты тщательно следишь за собой, или же тут постаралась природа?

— Какая уж природа... Она, может быть, наделила меня кое-какими способностями, а остальное приходится брать с боем, вырывать дикими усилиями воли. Я сказала себе однажды: быть здоровой, быть в форме — это входит в профессию, и будь добра, милая... С тех пор утро я начинаю с основательной разминки, потом холодный душ. Днем или вечером, если получается, еще и бассейн. Нелегко найти время в нашей сумасшедшей жизни для такой ежедневной программы, но когда даю себе послабление — чувствую себя разбитой, больной. Недавно у меня был жутчайший приступ радикулита, боялась, что уже не выползу из него. Но выползла — и снова жесточайший тренинг. А жалеть себя — дело пустое.

— В начале нашей беседы ты сказала, что женского в тебе слишком мало — в смысле страсти и удовольствия, увлечения. Но все-таки какие-то слабости есть? Скажем, красивая одежда? Хорошая косметика?

— Слабости есть, да возможности удовлетворить их нет. Имея семью, детей, думаю, ни один человек, зарабатывающий

цию. Шок от вида колбасных прилавков ты давно уже пережила, с нашей нищетой вполне обвылась. И все же... Неужели у тебя ни разу не возникло желание покинуть нашу страну, как это делают многие представители интеллигенции?

— Нет, этот вариант я давно и абсолютно для себя закрыла. Потому что «там» я никому со своей профессией не нужна. А без профессии я никто и ничто — даже для себя самой. Поэтому я буду жить здесь и терпеть столько, сколько потребуется. А «потребуется» вся жизнь. Ситуация в нашей стране стала настолько стабильной в своей унылой бесперспективности, что последние крохи оптимизма меня давно уже покинули. Но когда после спектакля вижу родные человеческие глаза, вижу слезы счастья, восторга, потрясения, начинаю понимать, что ради этого можно вытерпеть все тяготы жизни, какими бы непреодолимыми они ни казались...

— Вопрос об отъезде, честно говоря, я мог бы не задавать, поскольку являюсь свидетелем того, как уже много месяцев ты вкалываешь время, силы, средства в благоустройство квартиры. Скажи, это для тебя вопрос принципиальный — иметь уютное, комфортабельное жилище или ты могла бы, что называется, веновать и в шалаше?

— Начну с того, что в «шалаше» я прожила много-много лет. Сама по себе я не прихотлива — лишь бы чисто было. Но отдаю себе отчет, что мои нынешние шестидесять метров на Таганке — это последнее, что мне отомлилось от государства. И это единственное, что я надеюсь оставить детям. Вот почему я вкладываю в эту квартиру столько сил. Но только ничего не получается. Невозможно достать обои, краски, лак, невозможно купить настольную лампу. Скажем, я люблю определенное освещение — напольные светильники, торшеры, бра... Ничего этого в продаже нет, в итоге у меня в доме царит темень. И так одно на другое набегает, и я уже обреченно думаю: уж пусть будет все как есть. Лишь бы только снова не затопило...

— И последний вопрос... В одном интервью ты говорила: «Моя мама была безнадёжно больна коммунизмом: папа — атеист». Я знаю, что ты довольно поздно, когда тебе было тридцать лет, приняла христианство. Чем для тебя был этот шаг, поскольку сейчас его можно расценить как простую дань моде?

— Для меня это не было данью моде, потому что тогда еще моды такой не было. А был воинствующий атеизм. И тем не менее я ходила в церковь, бывала на службах, присила Бога о милосердии, заступничестве. И сегодня я прошу у Господа только одного: чтобы мои дети испытывали в церкви те же чувства, что и я, — желание стать лучше, добрее, чище. Я заметила: когда дети приходят из храма, они становятся другими. На них исходит просветление, благодать, и я начинаю верить во что-то в эти минуты. Дай Бог не обмануться...

Вел беседу Л. ПАВЛЮЧИК.

На снимке: Татьяна Васильева с домашней любимицей Кутятей.